

Интервью с четой Боярских было больше похоже на спектакль — временами мы с фотографом едва ли не катались по полу от смеха (жаль, в печатном варианте этой атмосферы не передать), а спустя несколько минут переглядывались, недоумевая, или вовсе прятали глаза. Одно слово — артисты, они и дома порой играют. Задаешь серьезный вопрос, а в ответ получаешь хохму, анекдот; пытаешься подстроиться, начинаешь шутить, а они вдруг превращаются в самую серьезность. То говорят друг другу комплименты, то ни с того ни с сего взрываются, и так становится неловко... В общем, кто из супругов какую роль играет в этой пьесе, вы без труда разберетесь сами. Спектакль начинается. Занавес!

Свадьба — это пошлость

— У вас не было свадьбы, вы не собираете семейные фотографии. Откуда такое пренебрежение к собственной судьбе? Мне, например, очень жалко, что у моих родителей нет свадебной фотографии. Наверняка и вашим детям было интересно, как женились родители... Как же это произошло?

Михаил: По глупости. Я с умилением смотрю на снимки в фотоателье, где невеста и жених запечатлели себя в белой фате и черном костюме. В этом есть определенная доля мещанства и нет душевности. Не каждый же солдат хочет стоять с автоматом и приносить присягу. А вот это — присяга. Хороший, красивый обряд, но я за то, чтобы свадьбу справлять, например, под водой... — Между тем любитель экзотики вообще отказался от свадьбы — отчего же не справились под водой?

Михаил: Мне было бы неудобно идти с женщиной к Петру I фотографироваться. По дороге в театр мы зашли в загс, поставили штампы, выпили по рюмке коньяка в «Сайгоне» и пошли на репетицию. А поскольку в театре тогда играли пьесу «Трубадур и его друзья», то у нас каждый день была свадьба.

Лариса: И я равнодушна к этому. Мне вообще этот обряд кажется очень пошлым, как и все публичные освящения личных отношений, в том числе и похороны. А свадьба — настолько интимная вещь, касающаяся только двоих, что кричать на всех перекрестках, что мы сегодня стали мужем и женой и можем лечь в одну постель, мне кажется уже изначально фальшиво, тем более сегодня. Для меня и день рождения — грустный праздник. Больше всего люблю

будни. И замуж-то хотела выйти, потому что мне приятна каждодневная рутина. Я могу ощутить счастье в самом обычном моменте: когда муж и дети рядом или все легли спать, когда в доме чистота, порядок... — Вы вообще никаких свадебных атрибутов не признаете, даже колец?

Михаил: Кольца у нас где-то есть, только я не помню, когда мы их покупали. Ну какой же Трубадур с кольцом, правда? Ни в театре, ни в кино у меня колец не было, а каждый раз надевать-снимать... Многие артисты носят их на цепочке, потому что они мешают. Не дай Бог после пьянки руки распухли, а нужно играть роль Торедора — это же надо забинтовывать пальцы...

— Вы очень несерьезно к этому относитесь.

Михаил: Абсолютно. Я не считаю, что этот обряд, придуманный человеческой цивилизацией, сдерживает людей от каких-то поступков. Штамп невозможно дисциплинирует, но нужен он в основном женщине. Ей говорить: я ж тебя люблю, зачем тебе штамп? А она — если ты меня любишь, то какая разница, есть штамп или нет. Ну, вот зафиксировали нас, и ничего не изменилось.

— Родители-то хоть были довольны вашим выбором?

Михаил: Когда мы поженились, папы уже не было в живых, но так как мы с Ларисой были знакомы давно, то он к ней очень положительно относился, хотя рассматривал в основном как молодую актрису. Я не очень раскрывался перед родителями, маму просто поставил перед фактом, и она приняла это как должное. А что касается Ларисиных родителей... Я был настолько волосат, свободен, нагл и нетрезв (всегда)...

— ...что, вероятно, повергли их в ужас?

Михаил: Судя по всему. То, что я себе позволял в отношении будущей тещи, упаси

Бог! В общем, что-то пахнущее вином, волосатое и нецензурно выражающееся вошло в их дом. Это же был первый случай в моей жизни, если бы я был женат несколько раз, то, наверное, научился бы общаться с мамами невест, а так старался держаться от родителей девушки как можно дальше. Ужас! Я боялся, что могут заарканить, заставят надеть галстук, хорошо вести себя за столом, не пить... Другой разговор, что родители сами меня отлавливали: где этот паразит? А меня ищисвищи! Умел следы замечать.

— Он скребся в дверь, и она ему открывала

— Несмотря на волосатость, наглость и нетрезвость, вы, однако, умудрились красиво ухаживать за Ларисой...

Михаил: Я любил делать подарки, мог забраться в окно или ночью убежать из армии и прийти к ней, встретить ее после спектакля с шампанским и бокалами на подносе, приехать в тот город, где она на гастролях и не ждет меня. Вот с ее стороны таких подвигов не наблюдалось. Вероятно, она была по-другому воспитана... Я ухаживал за ней, как за нежным существом — Лариса была мне симпатична своей беззащитностью, — и думал: да что же, ее же сожрут в этом мире!

Лариса: Миша был очень яркий, обаятельный, красивый, мне казалось, что интереснее его никого нет. Он в армии-то практически не служил — все время провел у меня в квартире, с длинными волосами ходил... **Михаил:** Это ей так кажется. Повкаливая там, кирпичи разгружай!.. Вся страна спала спокойно, пока я северо-западные границы охранял, ни одного финна не пропустил, а они ползли стаями. Вот и поговори с женщиной, как запомнила, а! Всего-то было 17 мгновений весны, но она запомнила их в основном, а в те будни, которые так любит, я там и пахал.

Лариса: Мишини подарки всегда были непредсказуемы — он мог подарить мне елку. И до сих пор любит сюрпризы — это, видимо, в крови. Не знаю, передаст ли он это своему сыну... Мне уже точно не передает, я не люблю делать сюрпризы.

Михаил: Она всегда на день рождения дарит шурки, зубную пасту, носки. А я прихожу: вот ключи, машина стоит под окном, а она и не догадывается. Квартиру так подарил...

Лариса: На дану меня привез, когда уже все было готово. Я, конечно, знала, что она строится, но когда он однажды попытался со мной поговорить и через 15 минут возникла ссора, сказал: все, советы закончились, когда дострою — поеду.

— Сколько же вы так живете?

Лариса: Официально — 21 год, неофициально — 25. Да, вот четыре года морочил голову, не хотел жениться.

Михаил: Я безумно сопротивлялся. Мне было 26 лет, и я вообще не собирался жениться, потому что очень боялся потерять свободу. Но

так как осознанная необходимость все время вела меня домой к Ларисе, то спомался: что со штампом, что без штампа... Хотя без штампа веселее, вроде есть какая-то лазейка.

Лариса: Я же поняла, что хочу за него замуж, очень скоро, и через полгода начала на это работать.

— Вот тут начинается самое интересное: ну-ка, ну-ка, как девушки, желающие выйти замуж, должны на это работать?

Лариса: Вначале я это делать незаметно, а потом стала ставить условия — либо женишься, либо до свидания. И «до свидания» было очень много. Голову морочил жутко. Вообще ужасный человек! Честно говоря, я неправильно себя вела — надо было сделать так, чтобы он

вался у меня в ногах и умолял выйти за него замуж, быть более твердой. Но не могла — я его так любила! И когда он скребся в дверь, как кошка, открывала...

— Почему вы считаете, что женщина должна строить из себя «снежную королеву» и делать вид, что ей все равно? Может, все-таки, когда любишь, нужно говорить об этом?

Лариса: Мужчина должен завоевать женщину. А у нас я его завоевала, а за это очень сильно поплатилась. Ну чем? Избаловала его: он и чаю себе не нальет, ничего... **Михаил:** Не стирает, не готовит...

Лариса: Ничего вообще! Конечно, деньги приносит... **Михаил:** Мать твою, нет, что она несет! (срываясь на

крик) А что тогда ты будешь делать, завоевательница, мать твою, амазонка? **Лариса:** Нет, ну мне, конечно, повезло, что он зарабатывает. Если б еще не зарабатывал!

Михаил: Если я сдохну, ничего не произойдет! Ни секунды не проживет! Вот если наоборот — не дай Бог — ничего не понимаете, потому что я вас не посвящаю в свои тайны, каким образом содержу, охраняю. Вы можете говорить с Америкой, Германией сколько угодно, а я знаю, как нужно распределить силы и средства, чтобы все было в порядке. Поехать в Москву на машине — едем, куда хотим, не задумываясь: хватит бензина — не хватит. Пойдем купим костюм — пойдем купим,

платить за стоянку машины для нее равносильно потере месячной зарплаты. **Лариса:** Я неприхотлива, но что касается стоянки, считаю, это просто возмутительно, как можно за нее платить?!

Михаил: Абсолютно с ней не согласен, все что она говорит — ложь.

Поговорите по душам, они решили расстаться

— Как же вы умудряетесь 25 лет жить в таком несогласии друг с другом?

Лариса: Вообще мы друг друга не понимаем — мы просто любим. И живем параллельно. Вот вам кажется, что эта сахарница крас-

ная, а для меня она зеленая. Так же у нас с Мишей — мы совершенно разные люди. Ему кажется, что я такая-рассаякая, а мне кажется, что он такой. Но мы не можем друг от друга оторваться... Не знаю, мне он нравится. Он меня все время под себя пытается подмять, а я все еще сопротивляюсь.

Михаил: Я тебе еще дам возможность поспоротиться, был бы толк в сопротивлении. Зачем тебе это нужно?

Лариса: Миш, ну, по-моему, сейчас я уже полностью в тебе растворилась. Ты, например, хочешь, чтобы я не работала, и тут же говоришь, что не зарабатываю денег. А я считаю, что женщина должна работать.

Михаил: Категорических условий я никогда не ставил, хотя это бессмысленная роскошь, которая для семьи ничего не значит.

Лариса: Да, я хочу роскошествовать, правда, отчасти он прав: в «Антрепризе» мы играем один спектакль и получаем за него деньги, а в государственном театре я имею оклад, на который прожить невозможно, зато там много играю.

Михаил: Борьба противоположностей у нас, конечно, существует.

Лариса: У нас много общих взглядов: вообще на жизнь (чужую), на искусство — разнятся взгляды только на семейную жизнь.

— Другие в вашем месте уже давным-давно бы развелись...

Михаил: Да мы тоже как-то поспали на кухне, бутылку коньяка выпили, я и говорю: ну что, нам пора расставаться? Да, Миш, пора. Ну еще, прощай — прощай. Отшел от дома метров 200, постоял на мосту: а куда я иду, пойду-ка обратно, пришел. Она: вернись! Ну и правильно! Но уходишь навсегда. У нас даже ссоры не было — это мы так по душам поговорили и с легким сердцем решили расстаться. Без конфликтов нет примирения, а без примирения нет жизни, скучно.

— Вы с начала совместной жизни любил так поговорить по душам? Или эта привычка пришла с годами? Как происходила притирка?

Михаил: Да мы как-то над этим не задумывались — что такое притирка? Поначалу я эксплуатировал квартиру, которую Лариса снимала: оставался там ночевать, всячески это скрывая — она была студенткой, могли в театр сообщить. А когда театр дал ей комнату, я уже туда по-хозяйски входил, хотя сосед и фыркали — вроде не муж и жена. Это все был наш коммуналный опыт. Даже когда родился Сережа, мы еще какое-то время жили в коммуналке у Ларисиних мамы на Невском, и только потом театр нам выделил однокомнатную квартиру. У нас всегда было море друзей, которые расходились к четырем утра, и мы вдруг «обнаруживали», что женаты. Это был сумасшедший дом, я жалею, что он исчез — пили, гуляли, не считали денег, потому что их не было.

— На что же пили?

Михаил: Да Господи, это разве проблема? Тогда и вино было подешевле.

Лариса: Мы как-то никогда особенно не страдали от безденежья. Жарили пельмени, покупали двухлитровую бутылку «Гамзы» за четыре рубля, и больше ничего не нужно было.

— Три мушкетера все перевернули! Слава, деньги... Но именно после этого фильма, видимо, у многих сложилось впечатление, что вы дожили и в жизни. Что и говорить — поклонники едва ли не стрелялись из-за вас, ложились под вашу машину.

Михаил: Мне приятно, что

меня называют машиной... (Ждет реакции, и мы с фотографом взрываемся. — Т.Н.) Наверное, что-то происходило, и Ларка, конечно, была свидетельницей всего и могла закатывать скандалы, когда приходило письмо: «У меня от вас ребенок». Но когда таких писем было 300! В общем, алиби — полное.

В этом доме все орут, поют, хамят и кукарекают

— Судя по тому, что вы сейчас имеете — восьмикомнатная квартира на Мойке, трехэтажный дом в Грузино, две машины, — приходится сильно крутиться!

Лариса: Миша очень много работает, но заслуживает больше: таких, как он, считанные единицы. А ему приходится работать просто износ для того, чтобы удержаться на приличном уровне. Ведь это всего-навсего приличный уровень: хорошая большая квартира, которую мы смогли себе позволить только тогда, когда наши дети уже выросли и вот-вот сами женятся. Хорошо бы в такую квартиру въехать, когда мы поженились или когда Миша снялся в своем первом фильме. А мы на его гонорар, кроме «Гамзы», пачки пельменей и зауходилого черно-белого телевизора «Рассвет», ничего не могли себе позволить. И такому известному артисту, как Миша, приходится крутиться на пятачке, чтобы мы просто сносно жили.

Михаил: А я считаю, что мы закралось. Что значит — сносно? Ты хорошо жывешь!

Лариса: Мишенька! Да, нормально, но мы не можем позволить себе поехать на Гавайские острова.

Михаил: Почему не можем? Можем, но не едем. А что там делать?

Лариса: Зря ты так говоришь, Миша, потому что если бы у нас была возможность, мы бы содержали и домработницу, и учителей для детей. А у нас просто женщина раз в неделю моет полы.

Михаил: Мы позволить себе можем все, но в этом нет необходимости.

Лариса: Да? Ну, глупости говоришь.

Михаил: У Ларисы нет той проблемы, которую бы она не могла решить, так что она тут немощно кривит душой.

Лариса: Я все проблемы и решаю сама: в магазин хожу, готовлю... **Михаил:** А что, детей учить ты не можешь?

Лариса: У нас есть два репетитора, но у нас сейчас не о том уровне говорю.

Михаил: А какой, едрит твою... налево, тебе еще уровень нужен?

Лариса: Ты что, такой богатый?

Михаил: Не богатый, но минимальный уровень профессора Преображенского я могу себе позволить: в столовой есть, в спальне спать, иметь кухарку и домработницу. Но это не нужно, потому что я пока не профессор Преображенский.

Лариса: Чтобы была кухарка, у нее должна быть жилплощадь, где бы она жила и нас не раздражала. А вот куда ты ее поселишь? Я не хочу, чтобы тут кто-то мелькал.

Михаил: У нас была бы приходившая кухарка, но она готовила не так, как мне хочется, да мы и не привыкли, чтобы в доме были посторонние люди. Даже когда женщина приходит мыть полы, мы стараемся быть тише воды, нежели травы. Неудобно орут, поют, хамят, кукарекают, и чтобы не произвели впечатления, что мы сумасшедшие, приходится как-то сдерживать себя.

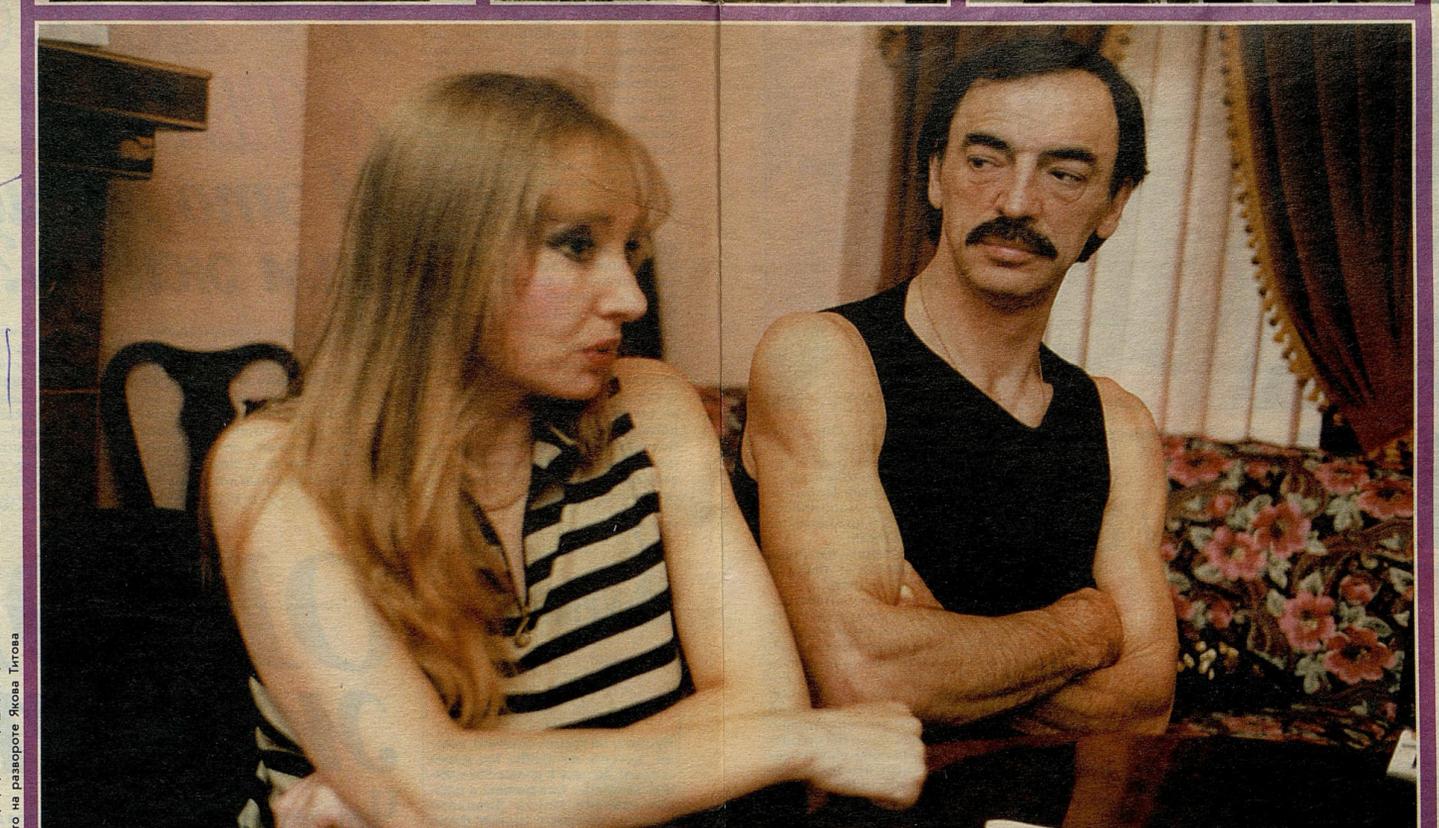
— А так, чтобы сказать жене: сегодня мы ужинаем в таком-то ресторане!

Михаил: Никогда в жизни! Мне не нравится, как корчить, я не люблю светскую жизнь. Лучше пойти к друзьям. Все равно за столом никогда ничего не ем: я могу есть, когда мало еды, и люблю то, чего не хватает. Когда всего в изобилии, мне становится скучно.

— Какой же вы сложный!

Михаил: Да уж не подарок!..

Беседавала Татьяна НЕМОЙКИНА.

МИХАИЛ БОЯРСКИЙ и ЛАРИСА ЛУПШИНА:

ЖАЛЕЕМ, ЧТО ПОЖЕНИЛИСЬ

валялся у меня в ногах и умолял выйти за него замуж, быть более твердой. Но не могла — я его так любила! И когда он скребся в дверь, как кошка, открывала...

— Почему вы считаете, что женщина должна строить из себя «снежную королеву» и делать вид, что ей все равно? Может, все-таки, когда любишь, нужно говорить об этом?

Лариса: Мужчина должен завоевать женщину. А у нас я его завоевала, а за это очень сильно поплатилась. Ну чем? Избаловала его: он и чаю себе не нальет, ничего... **Михаил:** Не стирает, не готовит...

Лариса: Ничего вообще! Конечно, деньги приносит... **Михаил:** Мать твою, нет, что она несет! (срываясь на крик) А что тогда ты будешь делать, завоевательница, мать твою, амазонка? **Лариса:** Нет, ну мне, конечно, повезло, что он зарабатывает. Если б еще не зарабатывал!

Михаил: Если я сдохну, ничего не произойдет! Ни секунды не проживет! Вот если наоборот — не дай Бог — ничего не понимаете, потому что я вас не посвящаю в свои тайны, каким образом содержу, охраняю. Вы можете говорить с Америкой, Германией сколько угодно, а я знаю, как нужно распределить силы и средства, чтобы все было в порядке. Поехать в Москву на машине — едем, куда хотим, не задумываясь: хватит бензина — не хватит. Пойдем купим костюм — пойдем купим,

платить за стоянку машины для нее равносильно потере месячной зарплаты. **Лариса:** Я неприхотлива, но что касается стоянки, считаю, это просто возмутительно, как можно за нее платить?!

БЛИЗКО НА ДВОИХ

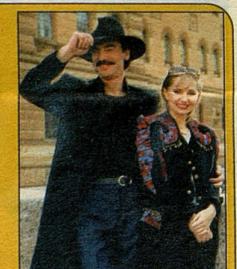
— Самый благоприятный период в жизни семейной жизни!

Михаил: Самое начало, когда ничего не было — ни мебели, ни одежды, ни машины. Коммуналка квартира в 13 метров и пыльные соседи. Деньги тратили только на вино, ночевали у друзей. Кайф!

Лариса: Сейчас — мы выросли, поумнели, все устоялось, дети выросли. — Можно ли простить измену?

Михаил: Физическая связь — не самое главное. Вот если ты продолжишь жить с одной женщиной, а твои интересы находятся в другом месте — это измена. Мужчине нельзя простить только жадность и скудность, все остальное — можно.

Лариса: Тыфу-тыфу, с Мишиной стороны precedents не было, поэтому я не знаю, но это самое страшное, что может случиться в семейной жизни. Хотя, возможно, ее можно простить. Ради чего-то.

— С годами любовь превращается в привычку?

Лариса: С годами любовь превращается в нечто большее. — Правда ли, что от любви до ненависти один шаг?

Михаил: Да, конечно. Я иногда ее готов просто придушить.

Лариса: У нас это бывает в день по 50 раз. — О чем-нибудь жалеете?

Михаил: О том, что я на ней женился. 25 лет жалено. **Лариса:** (обескураженная) Seriously, да? Ну тогда я тоже об этом.